

От Спарты к современной Британии

Как и многие другие люди, кто имел возможность побывать в Национальной художественной галерее Лондона, я подолгу задерживался перед полотном Дега «Юные спартанцы упражняются в борьбе».

Спарта не из тех городов-государств древности, которые вызывают у меня чувство особого восхищения. Но своим произведением, написанным необычно «сухим» языком, Дега заставляет уважать аскетичность и в то же время необычайную эффективность воспитания, которое получали молодые граждане Спарты. Как известно, Спарта была наиболее изощренным из всех древних государств в подготовке своей молодежи: с пеленок — к военному будущему. Известно, что нацисты скопировали многие из методов воспитания, насаждавшихся Спартой с тем, чтобы привить немецкой молодежи «инстинкт солдата». Известно также, что эти нацистские методы сегодня во многом копирует Израиль.

Много общего со всем этим имеет система воспитания и обучения представителей британских высших кругов. Естественно, в данном случае речь идет не о насаждении милитаристских «инстинктов», а об организации со школьной скамьи особой системы подготовки «избранных». Дети представителей привилегированных классов — тоже с пеленок — готовятся стать правителями и судьями Британии во всех областях ее жизни.

Этот специфический отбор лиц, направленный на то, чтобы впоследствии именно они стали духовными, политическими, экономическими наставниками всего общества, характерен для любой капиталистической страны. Аспекты этого отбора могут быть различны. В Англии это Итонский колледж. В США воспитывается умение «делать бизнес и деньги». В Федеративной Герма-

В моде — «красные рубашки»

Во всем том, о чем я сейчас говорю, нет ничего нового. Единственный смысл вновь говорить сегодня об истоках наших демократических завоеваний в том, что многие из них находятся под угрозой уничтожения. С одной стороны, буржуазия пытается попросту сокрушить любую оппозицию. С другой — капитализм все чаще пытается натянуть на свое дряхлое тело «красную рубашку» революции и использовать популярность идей социализма в своих собственных интересах. Когда генеральный директор Би-Би-Си заявляет: «...сегодня мы все — марксисты», ясно, что следует быть начеку. И когда лондонская газета «Таймс», анализируя процессы современного капитализма, вдруг пишет, что он «уродлив и деформирован», держите уши на макушке! А уж если крупнейшая британская пивоваренная фирма провозгласила: «Присоединяйтесь к красной революции! Пейте пиво фирмы Уотин!», то и у самого наивного человека должны открыться глаза. Все это говорит о том, что чудовище — буржуазное общество — не будет открыто пожираться нас. Сегодня оно все чаще приглашает нас к себе в объятия, где нас, естественно,

нии вновь насаждается кое-где милитаризм. Я беру за основу британскую систему воспитания и обучения только потому, что лучше знаю ее.

Суть этой системы в том, чтобы убедить всех, что лишь немногие — «избранные» — могут решать национальные судьбы, ибо это — только им принадлежит законное право. Именно они, эти немногие, могут нарушать законы. Это тоже их право. Именно эти немногие могут «править черной», потому что эта «чернь не умеет распоряжаться собой должным образом и никогда не научится этому».

Каждый, кто считает, что абсолютистские притязания правящих классов буржуазных государств перестали быть актуальными, мало знает нашу действительность. Полчаса наблюдений за дискуссиями тора в английской палате общин или в кабинете Онаниса (если вам удастся туда проникнуть) или чтение заявлений Генри Форда лучше, чем любые статьи, подтвердят мои слова. Это так же очевидно, как то, что любая попытка представителей другого класса потребовать для себя политические права или установить другую систему распределения духовных и экономических благ всегда бывает встречена враждебностью, которая обычно выливается в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Много шума было поднято, чтобы доказать, что такие буржуазные общества, какие существуют в Британии и в США, предоставляют своим гражданам демократические права. Да, это правда: мы имеем определенные гражданские и конституционные права. Но только потому, что мы завоевали их. Нам ничего не давалось по доброй воле. За каждое право, за каждую строку закона мы должны были сражаться и бороться, шаг за шагом, буквально за каждую букву. Зачастую те демократические учреждения, которыми так гордятся ныне наши правящие классы как доказательством «демократичности» буржуазного общества, были с кровью вырваны из глотки этих классов.

нимают, что единственный их шанс выжить — это развратить всех, кто сопротивляется их режиму.

К несчастью для мира капитала, к счастью для мира прогресса, эта коварная и хитрая система уничтожения протеста капиталу часто не «срабатывает». Если бы она была безупречной, то в мире не было бы кровавых войн во Вьетнаме, в Северной Ирландии, на Ближнем Востоке. Не было бы Анджелы Дэвис. Не было бы борьбы против южноафриканского апартеида.

Дело заключается в том, что противоречия между буржуазными мифами и буржуазной реальностью становятся особенно очевидными только тогда, когда капитализм вынужден прибегать к самым резким формам угнетения. И задача рабочего класса капиталистических стран состоит в том, чтобы разоблачать все формы этого угнетения даже тогда, когда внешне все выглядит вполне благопристойно.

Демократия «мифов» — изобретение старое, но никогда еще эта система не работала так извращенно и изощренно, как сейчас. Сегодня делается все возможное, чтобы не допустить высокие моральные принципы в политику. Насаждение чувства смятения, растерянности идет как на самых высших, так и на самых низших уровнях общества. И эта система не задумается ни на минуту, если придется сделать «ампутацию» какого-то своего органа, лишь бы спасти себя в целом! Лжедемократия ста-

ласти секса, как бог на душу положит. Вы даже можете беспрепятственно (почти всегда!) называть себя марксистом, революционером и делать это во всеулыбание и в любое время дня. Разве это не доказательство нашей «подлинной демократии»?

Возможно. Но свобода высказываний по данной теме допустима только в частном порядке. То есть допустима всегда, когда вы высказываетесь или совершаете свои поступки в одиночестве. Индивидуальная форма изложения ваших идей и терпимое отношение к ним буржуазного общества означают лишь, что вас слушают потому, что вы изолированы единично. Вы одиночка, значит, вы не опасны. Но попробуйте организовать широкое обсуждение и поддержку ваших марксистских убеждений, ваших истинно революционных принципов.

МОРАЛЬ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКА МОРАЛИ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Вот тогда-то наша «демократия» продемонстрирует степень допустимости и своего разрешительства!

...Разразилась забастовка. В ней, как в фокусе, концентрируются противоречия, в ней находят свое отражение политика и тактика заинтересованных классов. Забастовка — это не одиночное «частное» заявление «частного» лица. Это выступление, имеющее огромное социальное значение. Вот здесь-то вы встретите и враждебность, и сопротивление, и нетерпимость. Каждый забастовщик прекрасно знает все особенности «западной демократии», истинные пружины которой глубоко спрятаны и прикрыты «всеразрешающими» одеждами. Все дозволено, все «демократично», если речь идет о... постели. Но попробуй-ка встать и попытайся покинуть оргию. «Дезертира» ждут преследования.

Ненюга, когда правящие классы осуществляли полный контроль над обществом и когда они даже иногда выступали в «паре» с оппози-

дальновидные политики из среды буржуа прекрасно отдают себе отчет в том, какими методами им следует защищаться, и являются поистине великодушными дилетантами на сцене зрелища, которое получили название «пермиссив-соайети». Отправная точка всех попустительств сексуальной «революции», всяческих извращений, наркотиков, порнографии в том, что человек должен оставаться все время наедине с самим собой. Пусть только в себе он ищет разгадки своих неурадий. Если человека удастся убедить, что ему следует искать возможность расправы над социальным злом в его личных эмоциях и сексуальных переживаниях, его удастся изолировать от общества. Таким образом у нас теперь хоть пруд пруди наркоманов-«революционеров»! Их насчитывают уже сотнями, тех, кто вливает себе в вены лошадиные дозы героина, чтобы доказать, насколько они «свободны» от буржуазного общества. Доказать самим себе...

жуазия сидит в глубокой обороне, иногда прибегая к вылазкам. Там, где они заканчиваются удачно для буржуазии, вспыхивает настоящая война. Из поведения буржуазии можно сделать вывод: если все ее наступления, компромиссы, контратаки не дадут ей желаемой победы, она не остановится ни перед чем: капитал скорее уничтожит мир, чем отступит от своих привилегий. Этот наем на «возврем все к чертовой матери!» уже есть и в самом понятии «разрешающее общество».

Как я уже говорил, наши демократы, наш рабочий класс, наша боевая молодежь отвоёвывали у буржуазии немало. И особенно в области духовной жизни. Но как только моральные позиции буржуазного общества начинают ко-

пещия что есть истина и что есть ложь, что является демократией и что не является ею, что есть жестокость и что не есть жестокость — для всего этого не может быть единой «рамки», в которую могли бы уместиться обе точки зрения. Либерально настроенные люди часто допускают ошибку, считая, что то хорошее, что все же есть в нашем обществе, в конце концов является также частью капитализма. Отсюда следует, что для буржуа и пролетария все же может найтись общая платформа. На самом же деле то хорошее, что можно встретить в капиталистическом обществе, существует независимо от него. Наши нынешние свободы, как я уже не раз говорил, были вырваны у капитализма, несмотря на все его отчаянное сопротивление.

сто само бытие потребовало ее создания, ибо старая мораль более не могла помочь человечеству: в марксизме нет ни абстрактных догм, ни требовательных богов. Марксизм — это реальность, это глубокое понимание реальности и правильное его применение в жизни для исправления социального зла и несправедливости. Взяв за основу положение, что главное — это общественная принадлежность средств производства, марксизм и определяет принципы своей морали из того, для кого же в конечном счете предполагается продукт производства: для обогащения частного лица или для сокращения бедности. Для рабочего это положение совершенно ясно. Для кого он работает: для общего блага или для благополучия эксплуататора? Сам вопрос уже вскрывает принципы высокой морали и является полной противополож-

Говоря это, никто не забывает о той прогрессивной роли, которую сыграл в истории капитализм. Многие из основных свобод, которыми мы пользуемся сегодня, были «зачаты» в недрах только нарождающегося капитализма, и мы помним, что этот строй стремился освободить человека от пут феодального образа мышления. Для своего развития это общество нуждалось в людях широкого кругозора, а не в запертых и испуганных людях.

Тот факт, что феодальная реакция (в Англии это была Реставрация) вынуждена была пробивать себе путь в общество, чтобы захватить равную долю в правящих позициях, еще не делает реакцию родительницей наших свобод. В этом смысле народ не обязан ничем и никому, кроме самого себя.

Задача истинной науки об обществе — отделить в сознании людей воспоминания о борьбе за индивидуальные свободы далеких времен от борьбы за полную свободу всего народа последней эпохи. После того как Маркс проанализировал капиталистическую систему отношений и дал нам научное понимание существующего в ней положения, мир получил новую мораль. Впервые было дано научное определение добра и зла. Впервые было научно доказано, что они — необходимая часть исторического процесса.

Ценность марксистской морали в том, что она не является чьей-то выдумкой, она не была навязана человечеству как нечто свыше. Про-

ностью позиции капитала имущих. Трудности начинаются, когда рабочий класс и его союзники должны решить, каким образом они собираются добиваться общественной собственности на средства производства. Можем ли мы убедить капиталиста отдать его привилегии? А если нет, можем ли мы использовать демократические возможности нашей системы (или что у нас в этом плане имеется), чтобы «превратить» капитализм в социализм? Размещение позиций начинается именно здесь. Каков правильный путь для этого? Каков путь неправильный?

Одна из защитных мер, к которой всегда прибегало буржуазное общество, — это заявление о том, что любая попытка изменить общество не только является незаконной, она опасна, ибо несет хаос и разруху. Таким образом, забастовка всегда «бьет по национальным интересам». Победа в парламенте левого крыла — «трагедия». Католики Ирландии, выступающие за свою независимость, — «взбунтовавшаяся чернь». Вьетнамский народ, борющийся за свой суверенитет, — «сбород бандитов и разбойников». Палестинцы — «домашние террористы». Негры — «преступники». Коммунисты (всегда и всюду!) — «предатели». Наклеивая подобные ярлыки, буржуазия пытается воспитать граждан так, чтобы заставить их верить, что мы нарушаем границы морали, как только пытаемся защитить свои права или как только осознаем в себе силу управлять государством и собой без нее, без буржуазии.

Мораль

Сила рабочего класса в его принципах

Характерно, что сегодня в капиталистических странах существуют довольно широкие буржуазные круги, которые обращаются к идеологии рабочего класса. Истина в том, что моральные и духовные силы рабочего класса и его будущее привлекательны. Точнее, альтернатива этого будущего для самой буржуазии менее привлекательна. Правда, в этом интересе к пролетарской идеологии заложен не глубокий принципиальный интерес, это скорее корыстный эгоизм.

Так как никогда еще в истории не было примера того, что реакция добром отдавала власть победившему рабочему классу, необходимо нейтрализовать врага и морально, и физически. О тактике врага при этом следует помнить постоянно. Лейбористская партия Англии, например, получила огромную духовную и экономическую силу после войны. Черчилль в период своего апогея буквально кричал перед урнами избирателей, что Британия нуждается в социальных переменах. Что же произошло после этого? В день своей победы правое крыло лейбористской партии заложило первые мины под ту самую политику, которая привела эту партию к победе. Шаг за шагом правое крыло теснило левое, стремясь к полному контролю власти. Оно шло на любые уступки и компромиссы с реакцией, отступая все дальше от завоеванных позиций. Как известно, это закончилось предательством почти каждого принципа, которые провозглашала прежде лейбористская партия. И в этом факте не просто повторение старой истории социал-демократии. В этом — извечность политики буржуа, который кричит о себе со всем иное, чем он есть на самом деле.

Любая партия рабочего класса черпает силу в своих принципах, в последовательности своей политики. Когда движение рабочего класса попадает в руки оппортунистов, предаются основы моральных принципов великого дела борьбы за освобождение трудового народа. Предают и его политическое будущее. В этом нет ничего нового, ничего необыкновенного. Мы говорим об этом потому, что сегодня отчетливо можно проследить тенденцию, когда буржуазия пытается примкнуть к движению рабочего класса и одновременно с этим привнести в это движение свою мораль, свои классовые интересы. Это в особенно степени относится к представителям интеллигенции. Нельзя не заметить, как поток так называемых «интеллектуалистских идей о революции» пытается захлестнуть пролетарскую идеологию.

Есть и другие повороты. Представители интеллигенции нередко переступали границы своего класса, когда разум подсказывал им, где лежит правда будущего. Но, перешагнув в класс труда,

многие из них «открывали», что обязательства, которые они на себя берут, гораздо серьезнее, чем они себе представляли. И тогда они торопились — и торопятся — назад, в «насиженное» гнездо. Такой шаг не всегда означает, что этот человек потерял собственное «я» (хотя чаще всего это «я» теряют). Большинство нервно стремится отступить на свои прежние рубежи, вернуться к своим старым, индивидуалистическим, или, как принято говорить сегодня на Западе, «незавербованным» позициям. Индивидуализм оказывается сильнее желания служить народу, то есть стать «завербованным».

Испанская война привела в ряды коммунизма немало деятелей культуры, литературы, искусства. Некоторые через год, два, пять стали дезертирами. Но сколько их, молодых и блестящих талантов, пало героями в Испании, где развертывались первые сражения против фашизма! Лучшие представители интеллигенции Британии остались лежать в сухих полях Насиля, сражаясь за республику.

...Кристоферу Кодвеллу не было и тридцати лет, он оставил богатейшее литературное наследство, практически еще не исследованное. Дэвид Гест. Ральф Фокс... Пали десятки писателей, художников, музыкантов из Франции, США, Германии, Италии. Пали сотни и тысячи представителей интеллигенции Испании. Мысли о произведении трех молодых англичан, названных мною, выпускников Оксфорда и Кембриджа, неопытных, марксистская мысль Британии понесла с их гибелью колоссальнейшую утрату.

Да, теория нуждается в молодых умах, нуждается в творческой мысли интеллигенции. Но для нее подойдут лишь те, кто, переступив границы своего класса, оставит за этими границами буржуазные идеалы, буржуазную мораль и представления. Это отнюдь не значит, что рабочему классу не следует вступать в союз и работать с людьми, которым трудно будет принять решительное «классовое крещение». Существует немало мужественных представителей буржуазной интеллигенции, которые жертвуют многим, защищая либеральные идеалы.

Мы можем понять их, и мы должны сотрудничать с ними, но при этом мы должны помнить о том, что между нами всегда будет лежать рубеж: наша мораль и их мораль. Слияния этих двух моралей быть не может.

Жизнь оказывается на интеллигентно капиталистических стран все большее давление, невозможно далее спокойно стоять в стороне от событий, невозможно занимать абстрактные позиции, избегать участия в социальных конфликтах. И так как уходить от реальности становится все труднее, некоторые представители интеллигенции пытаются найти «зачисленный выход». В современном технологическом обществе не остается классов, — утверждают они. Эта платформа очень заманчива для буржуа: ведь на ней можно плыть против всяких классовых волн — и не утонуть.

Октябрь, открывший новые горизонты

Сторонники маркузизма (мы их называем «маркузитами») и примыкающие к ним группы утверждают ныне, что интеллигенция, а точнее, студенчество из интеллигенции — представляет

многие из них «открывали», что обязательства, которые они на себя берут, гораздо серьезнее, чем они себе представляли. И тогда они торопились — и торопятся — назад, в «насиженное» гнездо. Такой шаг не всегда означает, что этот человек потерял собственное «я» (хотя чаще всего это «я» теряют). Большинство нервно стремится отступить на свои прежние рубежи, вернуться к своим старым, индивидуалистическим, или, как принято говорить сегодня на Западе, «незавербованным» позициям. Индивидуализм оказывается сильнее желания служить народу, то есть стать «завербованным».

Испанская война привела в ряды коммунизма немало деятелей культуры, литературы, искусства. Некоторые через год, два, пять стали дезертирами. Но сколько их, молодых и блестящих талантов, пало героями в Испании, где развертывались первые сражения против фашизма! Лучшие представители интеллигенции Британии остались лежать в сухих полях Насиля, сражаясь за республику.

...Кристоферу Кодвеллу не было и тридцати лет, он оставил богатейшее литературное наследство, практически еще не исследованное. Дэвид Гест. Ральф Фокс... Пали десятки писателей, художников, музыкантов из Франции, США, Германии, Италии. Пали сотни и тысячи представителей интеллигенции Испании. Мысли о произведении трех молодых англичан, названных мною, выпускников Оксфорда и Кембриджа, неопытных, марксистская мысль Британии понесла с их гибелью колоссальнейшую утрату.

Да, теория нуждается в молодых умах, нуждается в творческой мысли интеллигенции. Но для нее подойдут лишь те, кто, переступив границы своего класса, оставит за этими границами буржуазные идеалы, буржуазную мораль и представления. Это отнюдь не значит, что рабочему классу не следует вступать в союз и работать с людьми, которым трудно будет принять решительное «классовое крещение». Существует немало мужественных представителей буржуазной интеллигенции, которые жертвуют многим, защищая либеральные идеалы.

Мы можем понять их, и мы должны сотрудничать с ними, но при этом мы должны помнить о том, что между нами всегда будет лежать рубеж: наша мораль и их мораль. Слияния этих двух моралей быть не может.

Жизнь оказывается на интеллигентно капиталистических стран все большее давление, невозможно далее спокойно стоять в стороне от событий, невозможно занимать абстрактные позиции, избегать участия в социальных конфликтах. И так как уходить от реальности становится все труднее, некоторые представители интеллигенции пытаются найти «зачисленный выход». В современном технологическом обществе не остается классов, — утверждают они. Эта платформа очень заманчива для буржуа: ведь на ней можно плыть против всяких классовых волн — и не утонуть.

Октябрь, открывший новые горизонты

Сторонники маркузизма (мы их называем «маркузитами») и примыкающие к ним группы утверждают ныне, что интеллигенция, а точнее, студенчество из интеллигенции — представляет

мозг мысль о том, что рабочий якобы не имеет права

молодежи: с пленок — к военному будущему. Известно, что нацисты скопировали многие из методов воспитания, насаждавшихся Спартой с тем, чтобы привить немецкой молодежи «инстинкт солдата». Известно также, что эти нацистские методы сегодня во многом копирует Израиль.

Много общего со всем этим имеет система воспитания и обучения представителей британских высших кругов. Естественно, в данном случае речь идет не о насаждении милитаристских «инстинктов», а об организации со школьной скамьи особой системы подготовки «избранных». Дети представителей привилегированных классов — тоже с пленок — готовятся стать правителями и судьями Британии во всех областях ее жизни.

Этот специфический отбор лиц, направленный на то, чтобы впоследствии именно они стали духовными, политическими, экономическими наставниками всего общества, характерен для любой капиталистической страны. Аспекты этого отбора могут быть различны. В Англии это Итонский колледж. В США воспитывается умение «делать бизнес и деньги». В Федеративной Герма-

удастся туда проникнуть) или чтение заявлений Генри Форда лучше, чем любые статьи, подтверждающие мои слова. Это так же очевидно, как то, что любая попытка представителей другого класса потребовать для себя политические права или установить другую систему распределения духовных и экономических благ всегда бывает встречена враждебностью, которая обычно выливается в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Много шума было поднято, чтобы доказать, что такие буржуазные общества, какие существуют в Британии и в США, представляют своим гражданам демократические права. Да, это правда: мы имеем определенные гражданские и конституционные права. Но только потому, что мы завоевали их. Нам ничего не давалось по доброй воле. За каждое право, за каждую строку закона мы должны были сражаться и бороться, шаг за шагом, буквально за каждую букву. Зачастую те демократические учреждения, которыми так гордятся ныне наши правящие классы как доказательством «демократичности» буржуазного общества, были с кровью вырваны из глотки этих классов.

В моде — «красные рубашки»

Во всем том, о чем я сейчас говорю, нет ничего нового. Единственный смысл вновь говорить сегодня об истоках наших демократических завоеваний в том, что многие из них находятся под угрозой уничтожения. С одной стороны, буржуазия пытается попросту сокрушить любую оппозицию. С другой — капитализм все чаще пытается натянуть на свое дряхлое тело «красную рубашку» революции и использовать популярность идей социализма в своих собственных интересах. Когда генеральный директор Би-Би-Си заявляет: «...сегодня мы все — марксисты», ясно, что следует быть начеку. И когда лондонская газета «Таймс», анализируя процессы современного капитализма, вдруг пишет, что он «уродлив и деформирован», держите уши на макушке! А уж если крупнейшая британская пивоваренная фирма провозгласила: «Присоединяйтесь к красной революции! Пейте пиво фирмы Уотни!», то и у самого наивного человека должны открыться глаза. Все это говорит о том, что чудовище — буржуазное общество — не будет открыто пожирать нас. Сегодня оно все чаще приглашает нас к себе в объятия, где нас, естественно, ожидает смерть.

Именно в силу этих последних обстоятельств серьезные политические и моральные проблемы западного мира сейчас не обсуждаются так, как прежде. Их более не дают ставить на повестку дня людям грубым и откровенным в своей реакционности, особенно тем, кто пытается копировать Гитлера. Безумный фюрер научил наиболее дальновзорных политиков капитализма, как не надо вести себя. Они знают, что, если прибегнут к гитлеровским методам осуществления своих планов и целей, их ждет ненависть и осуждение всего мира. И хотя гитлеры и по сей день имеются в правящих кругах каждой капиталистической страны, особенно США, их одергивают более прозрачные политики, которые видят, что мир капитала находится в кризисе, которые по-

буржуазия остановить этот процесс духовного гниения, если бы хотела?

На эти интересные вопросы имеются не менее интересные ответы. Но прежде чем приступить к ним, хочу обратить внимание еще на один аспект нашего «разрешающего общества». Он тоже представляет определенный интерес с моральной точки зрения.

Сегодня в западных капиталистических странах вы не только можете вести себя в

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА МОРАЛИ

Джеймс ОПДРИДЖ

Вот тогда-то наша «демократия» продемонстрирует степень допустимости и своего разрешительства!

...Разразилась забастовка. В ней, как в фокусе, концентрируются противоречия, в ней находит свое отражение политика и тактика заинтересованных классов. Забастовка — это не одиночное «частное» заявление «частного» лица. Это выступление, имеющее огромное социальное значение. Вот здесь-то вы встретите и враждебность, и сопротивление, и нетерпимость. Каждый забастовщик прекрасно знает все особенности «западной демократии», истинные пружины которой глубоко спрятаны и прикрыты «всеразрешающими» одеждами. Все дозволено, все «демократично», если речь идет о... постели. Но попробуй-ка встать и попытайся покинуть оргио. «Дезертира» ждут преследования.

Некогда, когда правящие классы осуществляли полный контроль над обществом и когда они даже иногда выступали в «паре» с оппози-

дальновидные политики из среды буржуа прекрасно отдают себе отчет в том, какими методами им следует защищаться, и являются поистине великолепными дирижерами на сцене зрелища, которое получило название «пермиссив-сосайети». Отправная точка всех попустительств сексуальной «революции», всяческих извращений, наркотиков, порнографии в том, что человек должен оставаться все время наедине с самим собой. Пусть только в себе он ищет разгадки своих неурядиц. Если человека удастся убедить, что ему следует искать возможность расправы над социальным злом в его личных эмоциях и сексуальных переживаниях, его удастся изолировать от общества. Таким образом у нас теперь хоть пруд пруди наркоманов-«революционеров»! Их насчитывают уже сотнями, тех, кто вливает себе в вены лошадиные дозы героина, чтобы доказать, насколько они «свободны» от буржуазного общества. Доказать самим себе...

жуазия сидит в глубокой обороне, иногда прибегая к вылазкам. Там, где они заканчиваются удачно для буржуазии, вспыхивает настоящая война. Из поведения буржуазии можно сделать вывод: если все ее наступления, компромиссы, контратаки не дадут ей желаемой победы, она не остановится ни перед чем: капитал скорее уничтожит мир, чем отступит от своих привилегий. Этот намеренный «взорвем все к чертовой матери!» уже есть и в самом понятии «разрешающее общество».

Как я уже говорил, наши демократы, наш рабочий класс, наша боевая молодежь отвоёвывали у буржуазии немало. И особенно в области духовной жизни. Но как только моральные позиции буржуазного общества начинают колебаться, буржуазия немедленно усиливает атаки. Все растущая анархия — следствие политических и духовных спекуляций буржуазии — отличает сегодня западное общество. Думаю, что никто из представителей власти и не сидит по отдельности и не придумывает философские положения, не планирует отдельные «операции». Но уже в силу того, что выпускники Итонского колледжа несут в себе заряд «инстинктивного» буржуазного поведения, они будут всегда реагировать единодушно на все социальные явления и события, исходя из своих классовых интересов. В каждом конкретном случае им не нужны ни указания, ни советчики. Не нужны ни глубокие схемы, ни планы действий. Не нужны узкие заговоры и ухищрения. «Избранные» действуют, не общаются, сообщая, так как их поступки, поведение «запрограммированы» в Итоне.

Добро и зло с позиции пролетария и буржуа

Давайте обратимся теперь к другой стороне всей этой ситуации. Какова она, эта мораль, которая отмечает сегодня самую широкую оппозицию классу капитала? В чем заключается идея попытки заменить буржуазное общество другим, лучшим?

Если подходить с классовых позиций, невозможно найти какие-то эталоны, которые могут быть общими для оценки событий и явлений как с точки зрения пролетария, так и буржуа. Кон-

Говоря это, никто не забывает о той прогрессивной роли, которую сыграл в истории капитализм. Многие из основных свобод, которыми мы пользуемся сегодня, были «зачаты» в недрах только нарождающегося капитализма, и мы помним, что этот строй стремился освободить человека от пут феодального образа мышления. Для своего развития это общество нуждалось в людях широкого кругозора, а не в заморенных и испуганных людях.

Тот факт, что феодальная реакция (в Англии это была Реставрация) вынуждена была пробовать себе путь в общество, чтобы захватить равную долю в правящих позициях, еще не делает реакцию родительницей наших свобод. В этом смысле народ не обязан ничем и никому, кроме самого себя.

Задача истинной науки об обществе — отделить в сознании людей воспоминания о борьбе за индивидуальные свободы далеких времен от борьбы за полную свободу всего народа последней эпохи. После того как Маркс проанализировал капиталистическую систему отношений и дал нам научное понимание существующего в ней положения, мир получил новую мораль. Впервые было дано научное определение добру и злу. Впервые было научно доказано, что они необходимая часть исторического процесса.

Ценность марксистской морали в том, что она не является чьей-то выдумкой, она не была навязана человечеству как нечто свыше. Про-

Мораль справедливости против морали насилия

Естественно, есть какие-то политические институты, которые буржуазия вынуждена принять. Например, парламент. Но нетрудно заметить, что, как только в парламенте представители народа завоевывают большинство, сама же буржуазия разрушает этот парламент изнутри. Тьер уничтожил Коммуну с помощью солдат. Гитлер разгромил Испанскую республику немецкими танками. А вот народ всегда стремился прибегать к мирным средствам решения проблем, в частности, и к парламенту. Именно реакция первая становится на путь насилия, когда видит угрозу своим преимуществам.

Короче, что должен делать народ, когда из подземелий реакции навстречу ему выползают тьеры, гитлеры, франко? История продемонстрировала немало примеров, когда буржуазия прибегала к морали насилия. И это при том, что всю свою историю буржуазия поучала рабочий класс, что «насилие опасно и его следует бояться и избегать», вбивала в души и в

ностью позиции капитала имущих. Трудности начинаются, когда рабочий класс и его союзники должны решить, каким образом они собираются добиваться общественной собственности на средства производства. Можем ли мы убедить капиталиста отдать его привилегии? А если нет, можем ли мы использовать демократические возможности нашей системы (или что у нас в этом плане имеется), чтобы «превратить» капитализм в социализм? Размежевание позиций начинается именно здесь. Каков правильный путь для этого? Каков путь неправильный?

Одна из защитных мер, к которой всегда прибегало буржуазное общество, — это заявление о том, что любая попытка изменить общество не только является незаконным, она опасна, ибо несет хаос и разруху. Таким образом, забастовка всегда «бьет по национальным интересам». Победа в парламенте левого крыла — «трагедия». Католики Ирландии, выступая за свою независимость, — «взбунтовавшаяся чернь». Вьетнамский народ, борющийся за свой суверенитет, — «сброд бандитов и разбойников». Палестинцы — «домашние террористы». Негры — «преступники». Коммунисты (всегда и всюду!) — «предатели». Наклеивая подобные ярлыки, буржуазия пытается воспитать граждан так, чтобы заставить их верить, что мы нарушаем границы морали, как только пытаемся защитить свои права или как только осознаем в себе силу управлять государством и собой без нее, без буржуазии.

Мозг мысль о том, что рабочий якобы не имеет права на насилие ни при каких обстоятельствах. Так было всегда. Винтовка в руках рабочего для буржуа символ всего злого и ужаса. Винтовки же в руках коррумпированной полиции США, в руках английских карателей или так называемых «добровольных сил», а проще, ольстерских «ультра» — все это прекрасно. Все это — о'кей! Массовое побоище — о'кей! Массовые аресты — о'кей! В долгой истории колонизации повешения, расстрелы, голод, тюрьмы — все это тоже о'кей! Но ни в коем случае не винтовка в руках рабочего! Даже если его жизнь в опасности! Даже если его права поправны!

В конце концов рабочие никогда не любили оружия. Не хотели его. Они никогда не хотят видеть свою страну вергнутой в гражданскую войну. Рабочие никого не хотят убивать. И только в оккупированной нацистами Европе, когда фашизм миллионами уничтожал людей, сжигал их, подвергал пыткам, какой человек не чувствовал оправдания, когда он убивал оккупанта? Винтовка в руках рабочего тогда была еще и моральной силой. Без нее мы все до сих пор продолжали бы находиться в рабстве, потому что на полях сражений против фашизма миллионами умирали не представители буржуазии. Миллионами умирали рабочие демократии, которых

нейтрализовать врага им морально, и физически. О тактике врага при этом следует помнить постоянно. Лейбористская партия Англии, например, получила огромную духовную и экономическую силу после войны. Черчилль в период своего апогея буквально кричал перед урнами избирателей, что Британия нуждается в социальных переменах. Что же произошло после этого? В день своей победы правое крыло лейбористской партии заложило первые мины под ту самую политику, которая привела эту партию к победе. Шаг за шагом правое крыло теснило левое, стремясь к полному контролю власти. Оношло на любые уступки и компромиссы с реакцией, отступая все дальше от завоеванных позиций. Как известно, это закончилось предательством почти каждого принципа, которые провозглашала прежде лейбористская партия. И в этом факте не просто повторение старой истории социал-демократии. В этом — известность политики буржуа, который кричит о себе совсем иное, чем он есть на самом деле.

Любая партия рабочего класса черпает силу в своих принципах, в последовательности своей политики. Когда движение рабочего класса попадает в руки оппортунистов, предаются основы моральных принципов великого дела борьбы за освобождение трудового народа. Предаются и его политическое будущее. В этом нет ничего нового, ничего необыкновенного. Мы говорим об этом потому, что сегодня отчетливо можно проследить тенденцию, когда буржуазия пытается примкнуть к движению рабочего класса и одновременно с этим привнести в это движение свою мораль, свои классовые интересы. Это в особенной степени относится к представителям интеллигенции. Нельзя не заметить, как поток так называемых «интеллектуалистских идей о революции» пытается захлестнуть пролетарскую идеологию.

Есть и другие повороты. Представители интеллигенции нередко переступали границы своего класса, когда разум подсаживал им, где лежит правда будущего. Но, перешагнув в класс труда,

Октябрь, открывший новые горизонты

Сторонники маркузизма (мы их называем «маркузитами») и примыкающие к ним группы утверждают ныне, что интеллигенция, представляет новый класс. Более того. Утверждается, что именно эта группа населения является наиболее действенным и революционным классом, потому что современный рабочий класс якобы безнадежно разращен и бесцелен, так как он «нейтрализован своим буржуазным благополучием». Мораль этой позиции очень интересна. Если студенты являются подлинно революционным классом, значит, на их плечах лежит долг не только вести вперед революцию, но и принимать все революционные решения в пользу сражающегося рабочего класса. Но в жизни такое еще не имело места.

Основные противоречия буржуазного общества имеют бесконечные формы для своих проявлений. Взрыв индивидуализма — это одно проявление. Война во Вьетнаме — другое проявление. Но разве можно заявлять, что у рабочего класса не хватает боевистости сегодня только потому, что он сражается на менее резко очерченном фронте борьбы, чем Вьетнам? Чем расизм? Боевые действия рабочего класса зачастую бывают скрыты в грандиозном конфликте, в котором находится в данный момент все буржуазное общество. Каждый день и на каждом этапе нашего общества можно найти сотни тысяч примеров боевых, мужественных действий рабочего класса в защиту демократии, которых

сражения против фашизма. Лучшие представители интеллигенции Британии остались лежать в сухих полях Кастилии, сражаясь за республику.

...Кристоферу Кодвеллу не было и тридцати лет, он оставил богатейшее литературное наследие, практически еще не исследованное. Дэвид Гест, Ралф Фокс... Пали десятки писателей, художников, музыкантов из Франции, США, Германии, Италии. Пали сотни и тысячи представителей интеллигенции Испании. Мысли и произведения трех молодых англичан, названных мною, выпускников Оксфорда и Кембриджа, неопенимы, марксистская мысль Британии понесла с их гибелью колоссальнейшую утрату.

Да, теория нуждается в молодых умах, нуждается в творческой мысли интеллигенции. Но для нее подойдут лишь те, кто, переступив границы своего класса, оставит за этими границами буржуазные идеалы, буржуазную мораль и представления. Это отнюдь не значит, что рабочему классу не следует вступать в союз и работать с людьми, которым трудно будет принять решительное «классовое крещение». Существует немало мужественных представителей буржуазной интеллигенции, которые жертвовали многим, защищая либеральные идеалы.

Мы можем понять их, и мы должны сотрудничать с ними, но при этом мы должны помнить о том, что между нами всегда будет лежать рубикон: наша мораль и их мораль. Слияния этих двух моралей быть не может.

Жизнь оказывает на интеллигенцию капиталистических стран все большее давление, невозможно далее спокойно стоять в стороне от событий, невозможно занимать абстрактные позиции, избегать участия в социальных конфликтах. И так как уходить от реальности становится все труднее, некоторые представители интеллигенции пытаются найти «запасный выход». В современном технологическом обществе не остается классов», — утверждают они. Эта платформа очень заманчива для буржуа: ведь на ней можно плыть против всяких классовых волн — и не утонуть.

никто не видит и о которых буржуазная печать не желает вспоминать. «Маркузиты» считают боевые выступления принадлежностью лишь представителей интеллигенции. Они не могут видеть, вернее, не хотят, что боевые действия подразумевают нечто гораздо более сложное, многогранное и последовательное, чем просто «революционные выступления». Они не знают этого, потому что они ничего не знают о жизни рабочего класса.

Выдумки о преимущественной роли интеллигенции на современном этапе направлены на то, чтобы всемерно нейтрализовать основную цель классовой политики рабочих, затемнить значение обьятий, о которых я говорил в самом начале этой статьи.

«Оставьте революцию нам...» — твердят буржуа. Объятия становятся все шире, все теплее, все гостеприимнее. И смыкаются железным кольцом эксплуатации и реакции, как только мы доверимся им. В ответ на это «приглашение» мораль нашего рабочего класса должна быть, как всегда, чистой, принципиальной, благородной. Это не исключает гибкости, но исключает, однако, догматизм и твердолобость. Эта истина должна быть всем ясна и очевидна. И пока мы будем придерживаться ее, мы будем уверенно идти через все испытания, колебания, сомнения, разочарования, преодолевая троиски опасного врага.

Октябрь 1917 года провозгласил новую форму человеческого достоинства: новую форму мужества и благородства. Они были рождены мыслью и опытом обычных людей, которые отдали себя до конца бескорыстному служению интересам таких же, как они, обычных, простых людей.

И нет в мире более высокой морали, чем та, которая была провозглашена в октябре 1917 года. Нет более высокого благородства.

Лондон.

Тактика и стратегия «разрешающего общества»

Как же это все произошло? В какой момент дала трещину старая буржуазная мораль? И могла бы